

УДК 800.87(470.51)

*Е.А. Жданова***СУБСТАТИВНАЯ ЛЕКСИКА ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ПИТАНИЕ» В РУССКИХ ГОВОРАХ УДМУРТИИ (ЛИНГВОГЕОГРАФИЧЕСКИЙ И СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ)**

В статье представлен анализ диалектных слов, обозначающих блюда и напитки традиционной русской кухни, собранных по программе Лексического атласа русских народных говоров на территории Удмуртии. Диалектная лексика указанной тематической группы рассматривается с точки зрения ее образования, появления в изучаемых говорах и географического распространения. Результатом анализа становится выявление семантических, словообразовательных, мотивационных особенностей субстантивной лексики темы «Питание» в русских говорах Удмуртии, характеристика анализируемых лексем с точки зрения исконности в говорах междуречья Камы и Вятки, а также составление лингвистических карт, иллюстрирующих диалектные различия на указанной территории. Анализируемая тематическая группа рассматривается на фоне русских народных говоров в целом и русских говоров Удмуртии в частности: для анализа привлекаются данные словарей диалектного языка и составленные ранее лингвистические карты русских говоров Удмуртии.

Ключевые слова: русские говоры Удмуртии, лингвистическая карта, диалектная лексика, тема «Питание».

Изучение диалектной лексики в целом и методами лингвистической географии в частности является одним из активно развивающихся направлений современной русистики. Это обусловлено, с одной стороны, недостаточной изученностью этого аспекта русских народных говоров, в связи с чем в последние десятилетия в России идет активная работа над словарями и атласами диалектного языка как на федеральном уровне (проекты «Словарь русских народных говоров», «Лексический атлас русских народных говоров»), так и в регионах. С другой стороны, внимание к диалектной лексике связано с тем, что именно эта составляющая языка отражает мировосприятие и традиционную культуру народа, языковую картину мира, которая в постструктуралистском языкознании становится популярным предметом исследований. Неоспоримой является и значимость изучения современных народных говоров для исследования истории языка, а также истории народа: его переселений, развития, культурных и экономических связей с другими нациями и т. д. А в свете общего процесса глобализации и нивелировки местных языковых особенностей под влиянием русского литературного языка, особенно на лексическом уровне, который, как известно, наиболее подвержен изменениям, задача фиксации, сохранения и анализа диалектной лексики становится практически безотлагательной.

Задачей данной работы является анализ лексических особенностей русских говоров Удмуртии, выявление диалектных слов и их представление на лингвистической карте для установления территориального варьирования, исконности в говорах данной местности, влияния русских говоров смежных территорий и других языков. Кроме того, анализ слов определенной тематической группы подразумевает исследование словообразовательных, семантических и этимологических связей внутри этой группы, мотивационных особенностей и принципов номинации. Целесообразность и необходимость совмещения различных методов исследования лексики русских говоров Удмуртии была обоснована нами ранее [6].

В рамках данной статьи будут рассмотрены наименования традиционных для русского населения Удмуртии блюд и напитков, зафиксированные в русских говорах этого региона в ходе опроса по разделу Программы Лексического атласа русских народных говоров (ЛАРНГ) «Питание» [12]. Данный раздел содержит 250 вопросов (лексических, словообразовательных, лексико-словообразовательных и семантических), посвященных процессам и особенностям приготовления и принятия пищи, ее вкусовым качествам, названиям продуктов питания, традиционных кушаний, напитков и т. п. Названиям разнообразных блюд и напитков, считающихся традиционными для русской кухни, посвящено 103 вопроса. Сведения по этой части вопросника собраны в 1990–2000-х гг. в 31 населенном пункте 18 районов Удмуртской Республики.

Данное исследование проводится в ходе подготовительной работы к составлению Лексического атласа русских говоров Удмуртии. Составление карт, отражающих диалектные различия в данном регионе, является актуальным, так как междуречье Камы и Вятки считается территорией позднего заселения и представленные здесь говоры сложились на основе языка переселенцев из разных мест-

ностей. Предположение о неоднородности говоров данного региона было сделано еще составителями «Опыта диалектологической карты русского языка в Европе» [11]. Существование фонетических изоглосс на территории современной Удмуртии, связанных с историей заселения этого края, отметила Л.П. Смолякова [15]. Кроме того, для региона с иноязычным коренным населением и многонациональным составом жителей актуальным является и вопрос взаимодействия и взаимовлияния национальных языков различных этнических групп.

В представляемом исследовании учитываются, в первую очередь, собственно лексические диалектные различия. Для картографирования лексических особенностей русских говоров Удмуртии используются возможности лингвогеографической информационной системы «Диалект», которая позволяет создавать электронные карты на основе содержащихся в базе данных сведений, собранных по программе ЛАРНГ (более подробно см. [1]). Согласно концепции междиалектного соответствия Р.И. Аванесова [2], на лингвистической карте принято отражать все языковые единицы, репрезентирующие одно и то же явление, вне зависимости от совпадения с составом современного русского литературного языка. Однако основной целью лингвогеографического подхода является представление на карте ареалов и изоглосс собственно диалектных явлений. При составлении карт, представленных в данной статье, автор руководствовался картографической концепцией, принятой в ЛАРНГ, которая базируется на системном принципе картографирования, а также выражается в утверждении о том, что «картографический план подчинен раскрытию лингвистического содержания карт» [9. С. 20]. Отметим также, что, как показывает опыт составления карт для ЛАРНГ, далеко не во всех случаях диалектный материал, собранный по определенному вопросу программы, целесообразно картографировать. Во многих случаях тип карты (лексическая, словообразовательная, семантическая и т. п.) может не соответствовать типу вопроса, указанному в программе. В то же время в говорах отдельно взятого региона могут быть отмечены диалектные различия, не актуальные для русских народных говоров в целом, но существенные для диалектного ландшафта данной территории. В таких случаях возникает необходимость составления карт, отражающих специфические языковые особенности, не входящие в программу ЛАРНГ.

Работа над Лексическим атласом русских народных говоров, в программе которого достаточно четко систематизированы вопросы, касающиеся основных тематических групп лексики русского диалектного языка, подтолкнула многих лингвистов к системному описанию словарного состава определенных тематических групп в отдельных регионах. Описанию и анализу названий кушаний и напитков в говорах различных территорий посвящены, например, статьи К.И. Демидовой (Средний Урал) [4] и И.В. Лебедевой (Костромская область) [8], диссертация С.В. Дмитриевой (псковские говоры) [4] и др. Употреблению удмуртских названий блюд и напитков в русских говорах Удмуртии посвящена статья В.Н. Мартыановой [10].

В числе вопросов программы ЛАРНГ, касающихся блюд и напитков традиционной русской кухни, можно выделить несколько тематических групп:

ТГ 1 – Названия жидких, первых блюд (вопросы №№ 19069, 19071 – 19085, 19087 – 19089);

ТГ 2 – Названия каш (вопросы №№ 19095 – 19105);

ТГ 3 – Названия мучных изделий: ТГ 3(1) – Названия хлеба (вопросы №№ 19186 – 19194), ТГ 3(2) – Названия пирогов (№№ 19209 – 19211, 19213 – 19218), ТГ 3(3) – Названия других видов мучных изделий (вопросы №№ 19185, 19203 – 19208, 10219 – 19224, 19247 – 19250);

в отдельную группу (ТГ 4) можно условно объединить названия других блюд, приготовленных из различных продуктов различными способами (вопросы №№ 19067, 19068, 19106 – 19113, 19115, 19122 – 19127, 19138 – 19146, 19148, 19174);

ТГ 5 – Названия напитков (вопросы №№ 19147, 19149 – 19154, 19156, 19158).

Большинство вопросов ТГ 1 касается названий супов и других жидких блюд в зависимости от продукта, на основе которого готовится кушанье. Поэтому значительная часть наименований, относящихся к этой группе, мотивирована обозначениями соответствующих продуктов, а разница в номинации обусловлена использованием различных словообразовательных средств и диалектными различиями в мотивирующем наименовании основного ингредиента. Однако даже при наличии в картографируемых говорах соответственных явлений они не всегда дают четкие ареалы или разделяются четкими линиями изоглосс.

Например, в качестве ответа на вопрос № 19077 «Грибной суп, похлебка», а также на дублирующий его вопрос программы № 01176 «Грибная похлебка», относящийся к теме «Растительность»

(раздел «Природа»), в русских говорах Удмуртии зафиксированы слова с основами *гриб-* (*грибница*, *грибовница*) и *губ-* (*губница*, *губышка*), образованные от распространенного в севернорусских говорах обозначения грибов *губы* [14. Т. 7. С. 196], повсеместно распространенного также и на территории Удмуртии (как показал анализ карты к вопросу № 01152 «Гриб (общее наименование)»), а также специально составленной в ЛГИС «Диалект» семантической карты, отражающей значения слова *губа* в русских говорах Удмуртии). Наименование *губница*, как и производящее слово, известно на всей территории республики, а образование *губышка* зафиксировано только в селе Киршонки Балезинского района. Таким образом, представление данного диалектного различия в виде лингвистической карты не является целесообразным.

Карта по вопросу № 19077 «Рыбный суп» показывает, что помимо общеупотребительного наименования *уха* и однокоренных суффиксальных образований (*ушица*, *ушичка*), в русских говорах Удмуртии широко распространенным оказывается диалектное обозначение *щерба* / *шарба*, которое, по данным словаря В.И. Даля, характерно в том числе и для севернорусских говоров [4. Т. 4. С. 655]. На северо-западе республики зафиксированы также единичные случаи употребления наименований *рыбник* и *рыбница*, образованных по стандартным для этой тематической группы моделям от производящей основы, называющей основную составляющую блюда.

Карта, составленная на основании материала, собранного по вопросу № 19074 «Суп с брюквой», показывает распространение на территории Удмуртии нескольких наименований этого блюда, образованных от различных основ, которые служат обозначениями брюквы в русских говорах Удмуртии [7]. Карта демонстрирует распространение наименований с основой *брюкв-* (*брюквенник*, *брюквенница*) в юго-западной части республики, а также употребление в западных районах Удмуртии дериватов, образованных от диалектного обозначения брюквы *калега* (*калежник*, *калежница*), которое, по данным соответствующей карты, известно в большинстве говоров Удмуртии. Карта, проанализированная в статье [7], показывает также наличие в русских говорах Удмуртии таких названий брюквы, как *голандка* (*галанка*) и *кузeka*, однако основы данных обозначений оказались непродуктивными: материал к карте «Суп с брюквой» представляет только одну фиксацию образования *галаночница*. Нужно отметить также, что во многих населенных пунктах сосуществуют несколько названий супа с брюквой. Это обусловлено, с одной стороны, тем, что в одном и том же населенном пункте может быть известно несколько наименований брюквы (что подтверждает упоминавшаяся карта по вопросу № 071076 «Брюква»), с другой стороны, тем, что, как отмечают составители программы собирания материала для ЛАРНГ, «особенностью данной тематической группы [Питание. – Е.Ж.] является богатство синонимических рядов в русских народных говорах. Синонимический ряд включает в себя слова, называющие одну и ту же реалию с учетом различных мотивировочных признаков и словообразовательных элементов» [12. С. 285]. Также при анализе карты «Суп с брюквой» можно отметить, что во многих говорах севера, юга и западной части Удмуртии вообще не зафиксировано названий такого блюда, во многих случаях – по причине отсутствия реалии (См. карту 1).

Карта, составленная по вопросу № 19074 «Свекольник», представляет лексическое противопоставление наименований с основами *свекол-* (*свекольник*, *свекольница* – в различных произносительных и акцентологических вариациях), с одной стороны, и образований с основой *ботв-* (*ботвенья*, *ботвинница*), с другой. Второй ряд лексем образован от диалектного названия свеклы с той же основой, которое также зафиксировано в русских говорах Удмуртии [7], причем территория распространения указанного диалектного обозначения свеклы в основном совпадает с полученным на карте ареалом диалектного наименования супа из свеклы: это центральные районы Удмуртии и только одно употребление на юго-западе региона.

Как показал анализ других карт по вопросам ТГ 1, многие из них демонстрируют наличие специфических диалектных наименований, образованных при помощи суффиксов от общерусских основ, в западной части Удмуртии (№ 19072 «Картофельный суп», № 19073 «Морковный суп», № 19076 «Гороховый суп» и др.). Мотивационное единство ответов на эти вопросы обусловлено отсутствием в русских говорах Удмуртии альтернативной производящей основы [7].

Для образования названий жидких горячих блюд в исследуемых говорах используются суффиксы *-ник* или *-ница*, присоединяющиеся как к общеупотребительным, так и к диалектным основам: *картошник* – *картошница*, *капустник* – *капустница*, *лапшевник* – *лапшевница*, *крупеник* – *крупеница*, *молочник* – *молочница* и др. Образованные при помощи первого из названных суффиксов обозначения мужского рода соотносятся с обозначением «суп (отвар) из ...», дериваты женского рода соотносятся

с номинацией «похлебка из...». Во многих говорах для номинации супов используются описательные конструкции типа «суп из...» или «...-ый суп» – с использованием прилагательного, образованного от наименования основного ингредиента. Слово *похлебка* широко распространено в качестве обозначения постного супа и других овощных супов.

Интересными оказались диалектные данные, собранные по вопросу № 19087 «Суп с мукой». В отличие от большинства дериватов, зафиксированных в качестве ответов на другие вопросы ТГ 1, названия супа с мукой в русских говорах Удмуртии образованы от разных производящих основ при помощи различных суффиксов и мотивированы различными признаками: слова *болтанка*, *болтовня*, *болтушка* образованы от глагола *болтать*, *завариха*, *заваруха*, *заварюха* – от *заварить*, *затируха* – от *затирать* и указывают на способ приготовления блюда, дериват *мучница* характеризует называемое блюдо по основному ингредиенту. Как показывает карта, наиболее распространенными наименованиями оказываются *болтушка изавариха* (кроме юго-востока), ареал слова *заваруха* проходит по восточной границе Удмуртии.

Вопросы ТГ 2 посвящены названиям каш различной консистенции либо каш, сваренных из определенного вида крупы или другого сыпучего вещества (мука, горох). Большинство вопросов этой группы не дали материала для картографирования, лишь некоторые из них представляют словообразовательные различия, но и те не дают изоглосс на территории Удмуртии.

Отметим, что в анализируемых говорах распространены в основном общеупотребительные обозначения каш: описательные обороты, совпадающие с формулировкой вопроса программы, и суффиксальные образования с -к(а): *гречка*, *манка*, *овсянка*, а также диалектные *толокнянка*, *гороховка*, *мучнянка*.

Интересным в лингвогеографическом аспекте оказался вопрос № 19097 «Густая каша»: как показывает карта, слово *гуца* имеет ареал в центральной и южной Удмуртии, повсеместно распространена описательная конструкция, совпадающая с формулировкой вопроса, во многих населенных пунктах специальное наименование отсутствует, помимо этого собирателями зафиксирован ряд единичных наименований, которые нецелесообразно отражать на карте.

К ТГ 3 (1) мы отнесли 9 вопросов программы ЛАРНГ, посвященных названиям хлеба, выпеченного из разной муки, а также хлеба разной формы и качества. Как показал анализ материала, для многих типов хлеба в русских говорах Удмуртии нет специальных наименований, отличных от общеупотребительных (*хлеб* – общее наименование, *белый хлеб* – хлеб из пшеничной муки, *черный хлеб* – хлеб из ржаной муки и др.), в других случаях такие наименования разнообразны, их фиксации немногочисленны и не дают ареалов (*ситник* – хлеб из ситной муки). Однако по трем вопросам указанной группы обнаружен интересный и в лексическом, и в лингвогеографическом плане материал.

Карта, составленная на основании данных к вопросу № 19189 «Хлеб из овсяной муки», показывает на территории Удмуртии достаточно четкие ареалы двух лексем: *ярушник* (иная запись: *ерушник* и *зарушник*) – на северо-западе и в западной части центральной Удмуртии, и *овсянник* – в центральных и юго-западных говорах. В.И. Даль отмечает слово *ярушник* как характерное для вятских, пермских и сибирских говоров [4. Т. 4. С. 680], слово *овсянник*, по данным Словаря русских народных говоров (СРНГ), употребляется во многих северных, в том числе пермских, говорах [14. В. 22. С. 303].

Карта по вопросу № 19191 «Пресный хлеб (лепешка)» показывает, что на территории Удмуртии, помимо общеупотребительных наименований, представленных в формулировке вопроса, для обозначения указанного типа хлеба используются также диалектные образования с основой *пресн-* (*преснец*, *преснуха*, *преснушка*, *пресняк*), сосредоточенные в основном в центре и западной части республики.

На вопросы № 19193 «Буханка хлеба» и № 19194 «Каравай» наряду с повсеместно распространенными общеупотребительными названиями, в нескольких населенных пунктах получен ответ *коврига*. Как свидетельствует СРНГ, это обозначение каравая хлеба (как традиционной формы выпечки) зафиксировано в вятских и пермских говорах [14. В. 14. С. 32]. При помощи ЛГИС «Диалект» была составлена карта, отражающая употребление слова *коврига* в русских говорах Удмуртии: на карте отмечены ответы *коврига*, полученные на различные вопросы программы. Как показала эта карта, лексема *коврига* повсеместно известна на территории республики, однако значение 'каравай', 'буханка хлеба' уточнено только у слов, зафиксированных в говорах западной части региона (см. карту 2). Нужно отметить, что указанные «значения» названы в большинстве случаев в одних и тех же населенных пунктах, из чего можно сделать вывод, что ковригой называют любой целый хлеб, независимо от формы и муки, из которой он изготовлен.

В ТГ 3(2) вошли 9 вопросов программы, касающиеся названий пирогов в зависимости от начинки, а также некоторые общие названия пирогов по форме и качеству. Материал, достаточный для отражения на карте, собран по вопросам № 19213 «Пирог с грибной начинкой», № 19214 «Пирог с картофельной начинкой», № 19215 «Пирог с луковой начинкой», № 19217 «Пирог с начинкой из куриного мяса». Помимо описательных обозначений по типу «*пирог с ...*» и «*...-ный пирог*», указанные в вопросах виды пирогов обозначаются существительными, образованными от соответствующих общеупотребительных и диалектных основ при помощи суффикса *-ник* (*грибник, грибовник, губник; картовник, картофельник; луковник; курник*), ареалы которых охватывают, в основном, юго-запад и центр Удмуртии. Обратим внимание на тот факт, что наименование пирога с грибами *губник* зафиксировано всего в 3 населенных пунктах в центре республики, хотя, как упоминалось выше, название грибов *губы* и название грибного супа *губница* отмечены на всей картографируемой территории. Возможно, пироги с грибами являются не столь распространенным блюдом, как суп из грибов, поэтому и традиционное наименование сохранилось не везде.

К ТГ 3(3) были отнесены названия других видов мучных изделий (кроме хлеба и пирогов), а также семантические вопросы, имеющие целью уточнение значений слов, которые известны как наименования различных мучных изделий. Большинство из 17 вопросов, в том числе семантические, не дали материала для картографирования. Во многих случаях для обозначения блюд, названий которых касается вопрос, в русских говорах Удмуртии используются общеупотребительные лексемы: *калач, баранка, пряник, кулич, блины, оладьи* и т. д. На вопрос № 19220 «Ватрушка (общее наименование)» практически повсеместно был получен ответ *шаньга (шанежка)* – слово, широко известное в севернорусских, в том числе пермских говорах [4. Т. 4, С. 621].

Стоит остановиться на данных к вопросу № 19185 «Испеченное изделие (о.н.)»: как показал анализ ответов, он был понят как запрос о собирательном наименовании выпечных изделий. Во многих населенных пунктах в качестве ответа отмечены общеупотребительные слова *выпечка* и *стряпня*, в центральных и южных районах Удмуртии распространенным ответом явился субстантиват *печеное*, а также дериваты *постряпушки* и *стряпушки*. По данным СРНГ, слово *постряпушка* как наименование печеного изделия употребляется в вятских и пермских говорах [14. В. 30, С. 242].

К ТГ 4 отнесены 29 вопросов, не вошедших в другие тематические группы названий кушаний. Эти вопросы касаются холодных блюд («Салат», «Закуска» и др.), блюд, приготовленных из мяса («Вареное мясо», «Жареное мясо» и др.), картофеля («Вареный картофель», «Жареный картофель» и др.), сладких блюд, разных видов запеканок, киселей и т. п.

Во многих случаях диалектный лексический материал, собранный по этим вопросам, картографировать нецелесообразно, так как ответы представляют собой либо описательные выражения, совпадающие с формулировкой вопроса, либо общеупотребительные наименования (*лапшевник, жаркое, кисель, сладости* и др.). Собственно диалектные названия блюд среди ответов на эти вопросы единичны и не дают ареалов на лингвистической карте. На вопрос № 19125 «Студень» в большинстве обследованных населенных пунктов получены ответы *студень* и *холодец*, на вопрос № 19138 «Сырник» – *сырник* и *творожник*, употребляющиеся параллельно, соответственно, не способные сформировать изоглоссу на карте.

В других случаях диалектные обозначения нецелесообразно картографировать, так как они распространены повсеместно и не составляют диалектных различий на территории Удмуртии, например, на всей территории республики употребляются слова *парёнка* («Пареные овощи (о.н.)»), *драник* («Тертый картофель с яйцами, мукой, поджаренный на масле»), *жарёха* («Жареные грибы»). Все эти лексемы, по данным диалектных словарей, характерны для севернорусских говоров, говоров Урала и Сибири.

Как показало картографирование материала по отдельным вопросам, достаточно четкий ареал на юго-востоке Удмуртии представляет наименование яичницы *смятка*. По данным СРНГ, это слово было зафиксировано в начале XX в. в юго-восточной части Вятской губернии в значении «род солянки из яиц» [14. В. 39. С. 80]. Слово «солянка» в этой дефиниции явно соотносится со словом *селянка*, которое в качестве наименования блюда из яиц с различными добавками, по свидетельству того же словаря, широко распространено в севернорусских говорах, говорах Урала и Сибири, а также в диалектах Кировской, Пермской областей и в Удмуртии [14. В. 37. С. 142]. В наших материалах это слово представлено в качестве ответа на вопросы № 19139 «Яичница» и № 19141 «Яичница с хлебом». По-видимому, судя по примерам употребления, записанным собирателями, и по результатам карто-

графирования, слово *селянка* в русских говорах Удмуртии является общим обозначением яичницы, в том числе с любыми другими добавками («*На воде размешаешь яички и на сковородку, немного соли, лучок вот я крошу, некоторые и на молоке делают, селянку с колбасой делают и с хлебом*» (с. Дебёсы Дебёсского р-на)). Как показала специально составленная карта, отражающая распространение слова *селянка* (См. карту 3), оно известно в центральной, восточной и юго-западной части республики, не захватывая северные районы и юго-восток, где, как говорилось выше, для названия яичницы используется слово *смятка* (*Смятку на семи яйцах сделала* (с. Первомайский Киясовского р-на)).

В отличие от слов других тематических групп, большинство наименований ТГ 4, зафиксированных в русских говорах Удмуртии, называют блюдо по способу приготовления: *толчёнка* («Толченый картофель»), *жаренина* («Жареное мясо»), *завариха* («Кисель из муки»), *парёнка*, *жарёха*, *дражник* и др. Многие слова мотивированы наименованиями продуктов, из которых приготовлено данное блюдо: *картовница* («Толченый картофель»), *грибовница* («Жареные грибы»), *капустница* («Тушеная капуста») и др.

ТГ 5 в русских говорах Удмуртии представлена в основном повсеместно распространенными общеупотребительными названиями напитков (*компот*, *квас*, *питье*), просторечными наименованиями (вопрос № 19151 «Водка»: *вино*, *горькая*, *беленькая*), диалектными и разговорными дериватами, родственными общеупотребительным наименованиям (вопрос № 19152 «Самогон»: *перегон*, *перегонка*, *самогонка*) и др. На вопрос № 19153 «Брага (общее наименование)» в центре и на юге западной части Удмуртии получены ответы *бурда* и *бурдомага*. Эти слова зафиксированы в СРНГ как известные во многих говорах, в том числе пермских и вятских [14. В. 3. С. 283].

В качестве ответа на вопрос № 19152 «Самогон» в русских говорах Удмуртии повсеместно отмечено слово *кумышка*. Эта же лексема в некоторых населенных пунктах зафиксирована как обозначение браги или как общее наименование алкогольного напитка. В словаре В. И. Даля *кумышка* описывается как «мутная, дымная и вонючая перегонная брага, у вотяков, чуваш, черемис и др. чудских племен» [4. Т. 2. С. 218]. В СРНГ это слово, отмеченное в вятских, пермских говорах и в Удмуртии, определяется как «самогон» [14. В. 16. С. 88]. Таким образом, зафиксированное на всей территории Удмуртии в качестве ответа на разные вопросы программы ЛАРНГ слово *кумышка* является заимствованным из удмуртского языка названием своеобразного национального алкогольного напитка.

Удмуртские этнографизмы зафиксированы и в качестве ответов на другие вопросы программы ЛАРНГ. Например, на вопрос № 19087 «Суп с мукой» в с. Большая Сюга Можгинского р-на записан ответ *суп с ныгылям* (*ныгыли* (удм.) – лапша [13]). В качестве ответа на тот же вопрос в с. Девятово Сарапульского р-на отмечено слово *зырет*. Эта же лексема названа в с. Вавож Вавожского р-на и в с. Ст. Зятцы Якшур-Бодьинского р-на как ответ на вопрос № 19144 «Кисель из муки». Это слово заимствовано из удмуртского языка, в котором имеет значение «подливка, приправа к лепешкам, блинам, пышкам» [13]. По свидетельству В. Н. Мартяновой, слово *зырет* в том же значении отмечено и в русских говорах Удмуртии. Готовится это блюдо из яиц, молока и муки, которые перемешиваются, смесь взбивается и доводится до кипения [10]. Таким образом, по консистенции, составу ингредиентов, способу приготовления это блюдо действительно похоже на кисель или суп из муки, чем и обусловлено его упоминание в качестве ответа на данные вопросы программы.

На вопрос № 19219 «Лепешка (общее наименование)» в трех селах (Вавож Вавожского р-на, Каркалай Красногорского р-на, Старые Зятцы Якшур-Бодьинского р-на) был получен ответ *табань*. Это заимствование из удмуртского языка в вятских говорах зафиксировано еще в словаре В.И. Даля [4. Т. 4, С. 384]. В.Н. Мартянова отмечает, что это слово в качестве ответа на данный вопрос программы записано также в Игринском и Кезском районах Удмуртии, она подчеркивает повсеместную известность этого удмуртского этнографизма, а также описывает способ приготовления этого блюда [10].

Таким образом, проанализированный материал свидетельствует о наличии в русских говорах Удмуртии заимствований из удмуртского языка. И хотя эти фиксации единичные и зачастую не соответствуют вопросам, интересен сам факт проникновения удмуртских слов в русские народные говоры, что является свидетельством взаимодействия русской и удмуртской культур.

В ходе анализа ответов на вопросы программы ЛАРНГ «Питание», полученных в различных населенных пунктах Удмуртии, мы обратили внимание на распространенные ответы *заваруха* (*заварюха*) и *завариха* на вопросы № 19087 «Суп с мукой (общее наименование)», № 19103 «Каша из муки (ржаной, пшеничной)», № 19144 «Кисель из муки»: «*Заваруху делали: муку заваривали кипятком*» (с. Дебёсы Дебёсского р-на); «*А заварюху я сейчас иногда завариваю, ем. Ну, мука, какая у тебя есть,*

вода вскипит – завариваешь. Гуще, не как кисель» (с. Дебёсы Дебёсского р-на); «*Заваруха – это как бы каша мучная»* (д. Смольники Дебёсского р-на). Контекстов, указывающих на другой способ приготовления этого блюда, нет. Можно предположить, что эти слова в русских говорах Удмуртии называют одно и то же блюдо, изготавливаемое из муки с водой, похожее по способу приготовления и консистенции на кашу, суп или кисель. Исходя из этого, мы сочли целесообразным составить карту, отражающую распространение в русских говорах Удмуртии слов *заваруха* и *завариха*, называющих жидкое блюдо из муки, замешанной на воде (См. карту 4). Как показала карта, ареалы этих образований пересекаются: слово *завариха* распространено на всей территории Удмуртии, кроме юго-восточных районов. Лексема *заваруха* повсеместно известна в центральной и восточной части республики.

Как отмечают составители Программы собирания сведений для ЛАРНГ, «русская национальная кухня сложилась под влиянием различных исторических, экономических и социальных факторов» [12. С. 285], этим объясняется разнообразие лексики раздела «Питание». Проанализированный в данной статье лексический материал русских говоров Удмуртии подтверждает это. Помимо общерусских наименований, которые составляют основную часть словарика, представляющего данную тему в русских говорах Удмуртии, здесь зафиксированы названия блюд и напитков, характерные для вятских и пермских говоров, которые, по данным словарей, совпадают в этой части лексического состава, а также заимствования из удмуртского языка, что указывает на влияние иноязычного субстрата, говоров смежных регионов, а также может рассматриваться как свидетельство заселения территории Удмуртии носителями пермских и вятских говоров.

Количество карт по теме «Питание» (названия традиционных народных кушаний и напитков), на которых отражаются лексические диалектные противопоставления, существующие в русских говорах Удмуртии, оказалось незначительным. Предназначенный для картографирования материал требует дополнения и уточнения. В ряде случаев были составлены карты, не соответствующие вопросам программы ЛАРНГ, показывающие распространение лексем, функционирование которых отличается от зафиксированного в Программе. Полученные при помощи ЛГИС «Диалект» карты помогли уточнить значения и ареалы диалектных лексем, называющих традиционные для междуречья Камы и Вятки кушанья: слова *заваруха*, *селянка*, *коврига*, широко распространенные в русских говорах Удмуртии, имеют более общее значение, нежели то, которое представлено в отдельных вопросах программы ЛАРНГ.

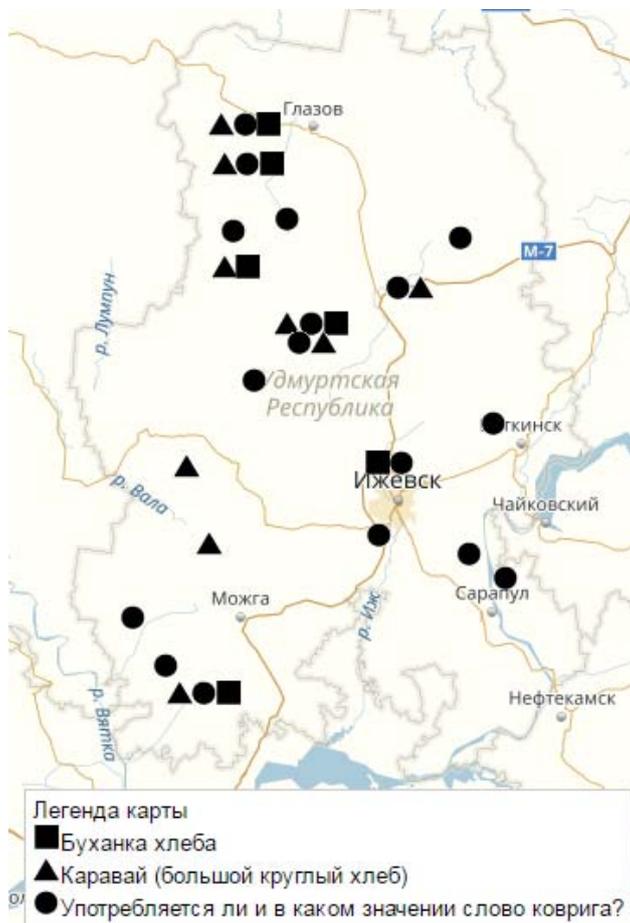
По результатам анализа лексики данных тематических групп можно сделать вывод не столько о существовании границ каких-либо групп говоров на территории Удмуртии, сколько о невысокой степени сохранности традиционных наименований кушаний и напитков. Большинство ареалов диалектных лексем расположено в западной, центральной и южной части республики. Своеобразие говоров южной Удмуртии, связанное по большей части, как уже отмечалось, с сохранностью традиционной лексики вятских и пермских говоров, можно объяснить тем, что в этой части республика граничит с Татарстаном и Башкортостаном, здесь помимо удмуртских есть большое количество башкирских и татарских населенных пунктов, во многих селах население смешанное. Возможно, именно развитие говоров в иноязычной среде приводит к более значительной консервации лексики. Исчезновение традиционных наименований происходит в связи с распространением литературного языка. Его влияние на говоры подтверждается не только наличием в них значительного количества общеупотребительных наименований блюд, но и широким распространением достаточно поздних иностранных заимствований: *юре* («Голченый картофель»), *суп* (в названиях многих горячих жидких блюд), *компот* и т. д.

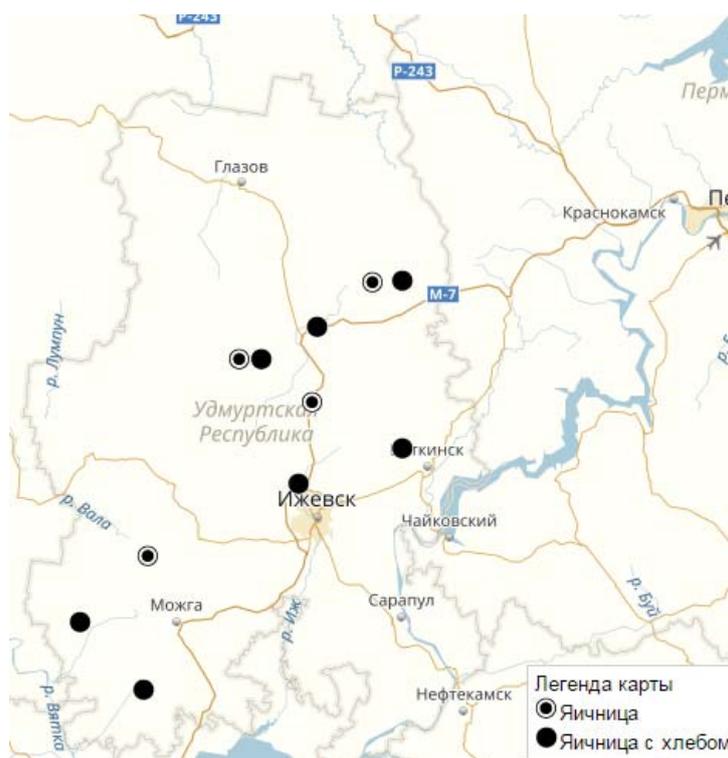
Проведенное исследование подтверждает и слова составителей Программы ЛАРНГ о том, что «названия видов пищи включают в себя слова, мотивация которых, как правило, прозрачна. В отличие от других групп лексики, связанной с человеком, эти имена в большинстве своем представлены суффиксальными образованиями, причем, репертуар суффиксов здесь сравнительно небольшой... Образование названий тех или иных видов пищи часто происходит по одной какой-либо модели» [12. С. 285]. Мотивирующими признаками зафиксированных в русских говорах Удмуртии наименований кушаний и напитков чаще всего являются основной ингредиент или способ приготовления блюда. Наиболее продуктивный способ образования слов – суффиксация, причем производные слова в большинстве тематических групп (ТГ 1, ТГ 2, ТГ 3(1), ТГ 3(2)) действительно типичны, образованы по одной и той же словообразовательной модели.

Таким образом, можно отметить, что своеобразие русских говоров Удмуртии в отношении субстантивной лексики темы «Питание» заключается не столько в богатстве языкового ландшафта и словообразовательном разнообразии, сколько в сохранении традиционной лексики пермско-вятского региона и присутствии удмуртских этнографизмов.

Карта 1. Суп с брюквой

Карта 2. Распространение слова *коврига* в русских говорах Удмуртии

Карта 3. Распространение слова *селянка* в качестве обозначения блюда из яиц в русских говорах Удмуртии

Карта 4. Распространение слов *заваруха* и *заварихав* русских говорах Удмуртии

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранов В.А., Жданова Е.А., Кожевников Д.Б., Белых А.А. Лингвогеографическая система «Диалект»: история создания, новые возможности, технологические решения, демонстрация данных // Интеллектуальные системы в производстве. 2013. № 1 (21).
2. Вопросы теории лингвистической географии / под ред. Р.И. Аванесова. М., 1962.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. СПб., 1996.
4. Демидова К.И. О характере проявления языковой картины мира на территории Среднего Урала (на материале семантической общности «названия кушаний») // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2001–2004. СПб., 2004.
5. Дмитриева С.В. Лексика тематической группы «Питание» в народной речи в ареальном аспекте (на материале псковских говоров): дис. ... канд. филол. наук. Псков, 1999.
6. Жданова Е.А. Картографирование лексики русских говоров Удмуртии // Ученые записки Казанского государственного университета: Том 155: Серия гуманитарные науки: Кн. 5. Казань, 2013.
7. Жданова Е.А. Наименования огородных растений в русских говорах Удмуртии // Русское слово: прошлое, настоящее, будущее: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Арзамас, 2012.
8. Лебедева И.В. Семантические особенности лексики по теме «Питание» в костромских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2012. СПб., 2012.
9. Лексический атлас русских народных говоров. Пробный выпуск / отв. ред. И.А. Попов, Т.И. Вендина. СПб., 2004.
10. Мартыянова В.Н. Удмуртские этнографизмы в русских говорах Удмуртии // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2007. СПб., 2007.
11. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии / Дурново Н.Н., Соколов Н.Н., Ушаков Д.Н. М., 1915.
12. Программа собирания сведений для лексического атласа русских народных говоров / отв. ред. И.А. Попов. СПб., 1994.
13. Русско-удмуртский словарь онлайн. URL: <http://udmurtinfo.ru/rusko-udmurtskij-slovar/>.
14. Словарь русских народных говоров. URL: <http://iling.spb.ru/vocabula/srng/srng.html>.
15. Смолякова Л.П. Формирование фонетической системы русских говоров Волго-Камья. М., 1977.

Поступила в редакцию 09.09.16

Е.А. Zhdanova

SUBSTANTIVES OF THE LEXICAL SET “NUTRITION” IN RUSSIAN DIALECTS OF UDMURTIA (LINGUISTIC-GEOGRAPHICAL AND SYSTEMS ANALYSIS)

This article presents analysis of dialectal words related to traditional Russian cuisine, which have been collected in Udmurtia in accordance with the program of the Lexical Atlas of Russian Dialects. Dialectal words of the lexical set “Nutrition” have been considered from the point of view of their formation, emergence and the geographic distribution of the vocabulary. The analysis has made it possible to study semantic features, motivating and word-formation features of the substantives in the lexical set “Nutrition” of Russian dialects of Udmurtia, features of the lexemes from the point of view of primordially in the dialects between the rivers Kama and Vyatka as well as the compilation of linguistic maps which show the dialectal differences on the territory mentioned above. This lexical set is considered against the background of Russian dialects in general and of Russian dialects of Udmurtia in particular using the dialect dictionaries and linguistic maps already composed.

Keywords: Russian dialects of Udmurtia, linguistic map, dialect vocabulary, lexical set “Nutrition”.

Жданова Екатерина Анатольевна,
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры «Лингвистика»
ФГБОУ ВО «Ижевский государственный технический
университет имени М.Т. Калашникова»
426069, Россия, г. Ижевск, ул. Студенческая, 7
E-mail: zhdanovaea@gmail.com

Zhdanova E.A.,
Candidate of Philology, Associate Professor,
Associate Professor at Department of Linguistics
Kalashnikov Izhevsk State Technical University
Studencheskaya st., 7, Izhevsk, Russia, 426069
E-mail: zhdanovaea@gmail.com